

Людмила Ф. Фомина (Одесса, СССР)

НАЗВАНИЯ СОЗВЕЗДИЙ В ДРЕВНЕБОЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Древняя славянская литература располагала небольшим объемом астрономических сведений, почерпнутых из византийских источников, в частности из творений Иоанна Дамаскина (писателя-богослова VIII в.). Кроме знаков зодиака, в ней представлены греческие наименования известных тогда планет Солнечной системы и обозначения наиболее важных для хозяйственной жизни славянина незодиакальных созвездий: Большой Медведицы, Ориона и Плеяд (звездного скопления, воспринимаемого как созвездие).

Древнейший памятник, содержащий эти астрономы, — это Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, одного из образованнейших славянских просветителей, трудившегося при просвещенном болгарском правителе X в. царе Симеоне.

Оставляя в стороне вопрос о формировании системы названий знаков зодиака и планет, достаточно освещенный в лингвистической литературе¹, обратимся к наименованиям созвездий, не входящих в „круг животных“.

Наиболее заметные на ночном небе семь звезд Большой Медведицы, несомненно, имели свое общеславянское наименование. Но в древних памятниках этот астроном не встречается. В Шестодневе упоминается лишь „книжное“ название этого созвездия — термин *аркътъ*, передающий греческий астроном средствами славянской азбуки (с субституцией флексии): *слънце на зовомын аркътъ прѣстоупнѣ*² (121 в).

Греческое *ἄρκτος* „медведь“, „медведица“ легло в основу названий двух созвездий: Большой и Малой Медведицы. В другом месте Шестоднева Иоанн Экзарх интересно этимологизирует термин *арктикъ*, мотивированный тем же *ἄρκτος*, которое служило также для обозначения севера:

и видимы присно кроугъ ѿго же и зовоуть аркътнѣ. ѿ оутѣрждаемыхъ звѣздъ на немъ медвѣдъныхъ (123 с), где *медвѣдъные звѣзды* — этимологический эквивалент греческого наименования данного созвездия.

¹ См., например: И. Добрев. Редът на зодиакалните знаци в Изборника от 1073 г. — В кн.: Старобългарска литература. Кн. 5, С., 1979, с. 101—106; Г. С. Баранкова. Астрономическая и географическая терминология в „Шестодневе“ Иоанна Экзарха Болгарского. — В кн.: Памятники русского языка: Исследования и публикации. Л., 1979, с. 150—171; Она же. Зодиак. — Русская речь, 1979, № 6, с. 81—85; Л. Ф. Фомина. Свое и чужое в русской астрономии (знаки зодиака). — В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. — М., 1980, с. 338—345.

² Пользуемся изданием: R. Aitzetmüller. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Bd. IV, Graz, 1966 (страницы указываем в скобках).

„Жля, желя“, судя по переводам Библии и Флавия, значит не только печаль, но и „воплствие“, обычай и обряд оплакивания умерших⁹.

Формант -ище- служил в праславянском и староболгарском языках преимущественно для образования слов с пространственным значением¹⁰. Таким образом, можно предположить что желище — „место скорби, плача“. В астрономической литературе известно лишь одно название с подобной семантикой: в древнееврейской и арабской астрономии четырехугольник Большой Медведицы назывался Гробом, Ракой, а три звезды хвоста воспринимались как Плакальщицы.

Иоанн Экзарх принадлежал к ученейшим мужам своего времени. „Сверх основательных знаний языков эллинского и славянского, — писал К. Калайдович — он имел сведения и в еврейском“¹¹.

Наименование *жельцин* „Б. М.“ попало к Иоанну Экзарху Болгарскому, вероятно, из славянского перевода Библии, где оно было эквивалентом древнееврейского астронома с указанной семантикой *Аш* или *Аиш*¹². Перевод полного текста Библии, за исключением Маккавейских книг, принадлежит, очевидно, Мефодию. Следы контаминации обоих названий просматриваются и в Библии, в частности в Книге Иова. В одном из древнейших русских списков этого ветхозаветного сочинения 1394 г., вошедшем в Геннадиевскую Библию 1490 г.¹³, обнаруживаем:

Творан власжьельца н проходнѣ нарекъ тѣ рѣн южня лѣжа.

Тот же текст повторяется и в Библии по списку 1558 г. В новой, исправленной редакции Книги Иова появляется еще одно наименование — *Арктур*, которым в латинской Вульгате обозначалось созвездие Большой Медведицы: *творан плѣды н еспера н арктурѣ н сокровница южна*¹⁴. В греческом тексте соответственно: *ὁ ποιῶν Πλειάδα, καὶ Ἑσπερον, καὶ Ἀρκιτρον* (Иов. IX, 9).

Итак, в древнем тексте, если считать власжьельць только названием Плеяд, недостает обозначения Большой Медведицы, которое восстановлено в исправленной редакции. В случае принятия гипотезы о том, что жельць здесь передавало первоначально семантику еврейского *Аш* или *Аиш*, то недостающий член триады обнаруживается.

Быстрая деэтимологизация названия *жельцин*, его семантическая чужеродность на славянской почве как астронома приводит к слиянию лексем **власн* и *жельцин* в одну, приобретающую благодаря первому компоненту значение „Плеяды“.

В дошедших до нас списках Шестоднева и Книги Иова наименование *власежельцин* (и его варианты: *власжьельцин*, *власожнанце*, *власожнанце*, *власожельць*, *власожельць*) функционирует нерасчлененно; уже и в цитируемом наиболее древнем списке Шестоднева 1263 г. оно больше напоминает композит, чем разные астрономы. Более того, от названия *власежельцин* в Шестодневе образовано прилагательное *власе жельцинын*. В книжно-славянской литературе наименование *власежельцин* представлено достаточно широко. Обнаруживаем его и в памятнике 1512 г. „Сильвестра и Антония вопросы и ответы“, о котором А. Горский и К. Невоструев писали: „Перевод носит

⁹Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“. Вып. 2, Л., 1967, с. 87—89.

¹⁰ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, с. 293.

¹¹ К. Калайдович. Иоанн, екзарх болгарский. М., 1864, с. 73.

¹² R. H. Allen. Star names. Their Lore and Meaning. New York, 1963, p. 422.

¹³ А. Горский, К. Невоструев. Указ. раб. Отд. I. М., 1855, с. 57.

¹⁴ Библия, или Книги священного писания ветхого и нового завета — 1872, с. 266 об.

на себе ясные следы болгарского происхождения, и притом довольно в древнее время¹⁵. Здесь оно имеет форму **власежелнше**.

Итак, в древних памятниках присутствуют две основных формы этого наименования: **власе** (о) **желнше** (н) и **власежелъць** (М. Фасмер приводит и **власожалнца**¹⁶.)

Интересно, что в Книге Иова, вошедшей в состав Геннадиевской библии содержатся обе формы:

Иов, XXXVIII: **развмъже ан елюуць** (нужно: **есн созвъ**)

власежелнше н ограженіе крѣжнлнць

Иов, IX **творан власежелъца н проходнѣ нарекъ**

тѣ ран южна ложа¹⁷.

Вероятно, эти дериваты не следует выводить из одного исходного элемента. Перед нами типичный для староболгарского языка случай словообразовательного параллелизма, отражающего поиск древними переводчиками адекватного, точного эквивалента слову протографа. Это смотр и апробация языковых ресурсов, столь характерные для раннего периода становления терминологических систем вообще и создания своей, славянской астрономии, в частности. Наиболее удачным опытом следует признать обозначение **желнши**, поскольку оно приближается к этимологическому значению библейского названия. Термин же **желъць**, с его общепредметным значением, гораздо дальше отстоит от него, хотя и сохраняет семантику „печали“, „скорби“, „оплакивания умерших“.

Следует сказать и о первом компоненте сложного названия **власежелнши**. Наименование **власе-** (гипотетически в староболгарском тексте ***власн**) являлось, по-видимому, оригинальным народным названием Плеяд, сохранившимся в говорах болгарского языка: *Власи*.

В тексте Шестоднева обнаруживается еще одно древнее астрономическое обозначение **крѣжнлннѣ** (апеллятив со значением „пояс“), которому в греческом протографе соответствует астроним $\phi\rho\iota\nu\nu$. Оно является этимологическим эквивалентом, однако, другого астронима — наименования трех ярких звезд этого созвездия $Z\beta\nu\eta$ „пояс“ (например, у Аристотеля¹⁸), известных и сейчас как Пояс Ориона. Многие народы давали отдельное наименование трем звездам Пояса Ориона. Так было и у древних греков, и эта идея нашла отражение в древнем славянском обозначении этого созвездия. Примеры употребления термина **крѣжнлннѣ** (как в форме pluralia, так и форме singularia tantum **крѣжнлннѣ**) встречаются в различных списках Книги пророка Исаия:

Звѣзды во нѣбныя н крѣжнлннѣ н вса творѣ нѣбная свѣта не проснаждѣ¹⁹.

В Захарьинском паримийнике, наряду с эквивалентом **крѣжнлннѣ**, сделана попытка транслитерации греческого названия:

ЗВѢЗДЫ КРѢЖНЛННѢ НЕБЕСНАЯ . Н ОРСОНЪ . Н ВСА ЛѢПОТА Н Б СНАЯ . СВЕТА СВОЕГО НЕ ВСТАНЕТЪ²⁰.

¹⁵ А. Горский, К. Невоструев. Указ. раб. Отд. 2. М., 1857, с. 149.

¹⁶ М. Фасмер. Указ. раб. Т. I. М., 1964, с. 343.

¹⁷ И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. М., 1958, стб. 270.

¹⁸ R. H. Allēn. Указ. раб., с. 315.

¹⁹ И. И. Срезневский. Указ. раб. Т. I. стб. 1334.

²⁰ Slovník jazyka staroslovenskeho. 16. Praha, 1967, s. 81.

Греческий текст *οἱ γὰρ ἀστέραι τοῦ οὐρανοῦ καὶ ὁ οὐρανός* свидетельствует о неточности перевода (или ошибке при переписывании), о том, что греческое название и славянский аналог относятся к одному объекту звездного неба. Поэтому, вероятно, нет оснований считать, что слово *крусжнани* здесь имеет значение „небосвод“, как это указано в „Словаре старославянского языка“ ЧСАН (либо оно приобрело такое значение, не имея его вначале).

Астроним *крусжнани* (*кр жнани*) сосуществовал в древней литературе с вариантом *крусжнаница*, отмеченным в Книге Иова: *ограженіе кружнаницъ*. По всей видимости, и здесь славянские книжники используют различные словообразовательные средства для варьирования названий. Е. М. Верещагин, исследуя переводческую технику Кирилла и Мефодия, подчеркивал: „Варьирование (в том числе и лексическое варьирование) было неотъемлемой чертой нормы первого литературного языка славян“²¹.

Таким образом, номенклатура незодиакальных созвездий, представленная в древних памятниках славянской литературы, ограничена терминологией греческих произведений и обусловлена ею.

Возникновение этих названий восходит к староболгарским переводам, принадлежащим перу древнейших болгарских просветителей: Мефодия и Иоанна Экзарха. Славянские эквиваленты греческих названий незодиакальных созвездий были транслитерациями, семантическими и этимологическими соответствиями. Особенно важно то, что народные южнославянские астрономы также проникают в первый литературный язык славянства. Это одно из проявлений тех связей, которые существовали между книжным и народным языком славян и способствовали восприятию литературного языка всеми славянами как своего, достаточно понятного.

²¹ Е. М. Верещагин. К истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972, с. 75.